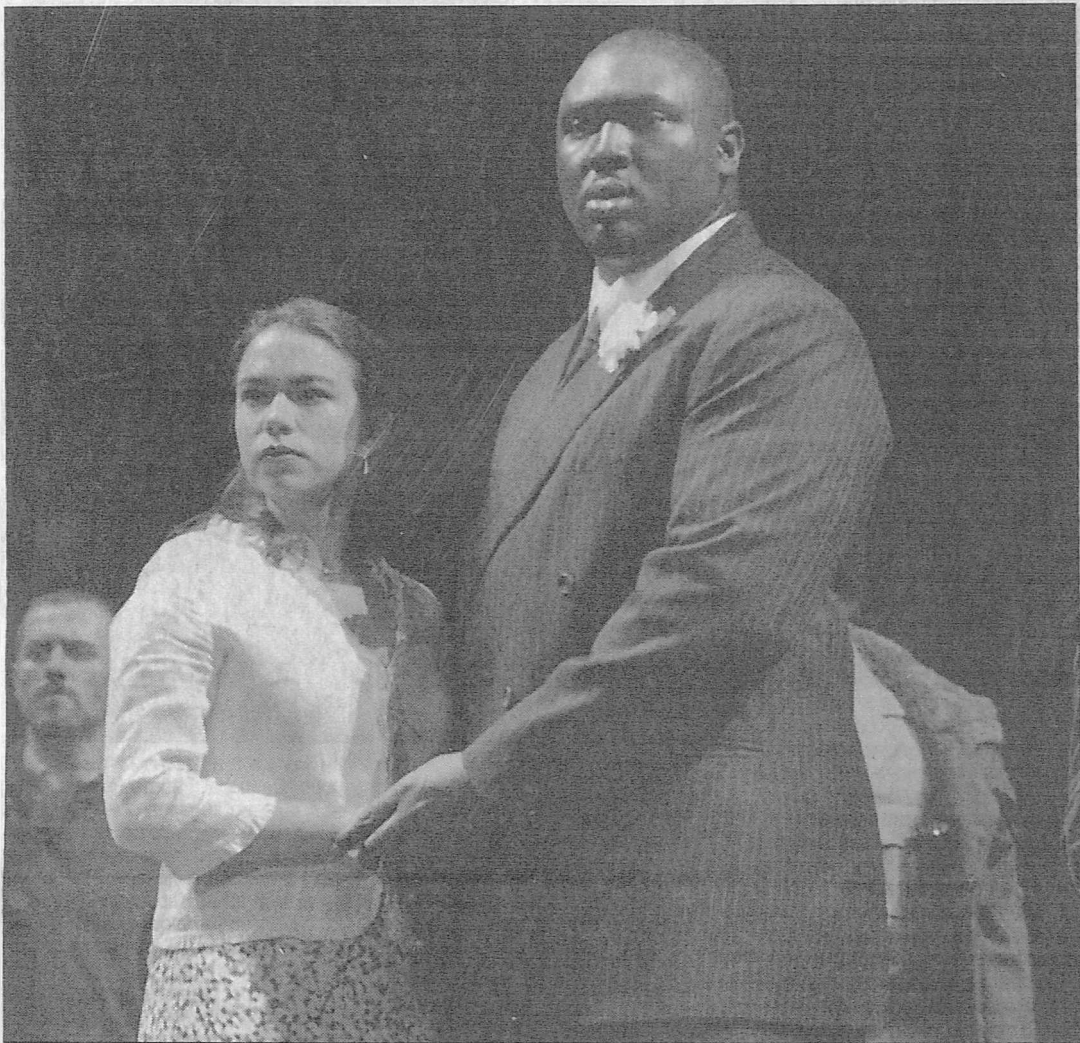

Последнее дело мавра

Пьеса Шекспира в Лондонском театре "Чик бай Джаул"

К. Мартин — Дездемона и Нонсо Анози — Отелло в сцене из спектакля

Любезный сердцу россиян режиссер Деклан Доннеллан, чьи постановки в нашей стране стали постоянными ("Зимняя сказка" в МДТ, "Борис Годунов" и "Двенадцатая ночь" под эгидой Международной конфедерации театральных союзов, "Ромео и Джульетта" в ГАБТе), на этот раз прибыл в Москву со своим родным театром "Чик бай Джаул". Последний, впрочем, москвичам тоже хорошо известен еще со времен показа шекспировской комедии "Как вам это понравится" (1996). Нам это понравилось, равно как и "Мера за меру" и "Много шума из ничего" в разные годы показанные в России.

Один из основателей Академии Королевского Шекспировского театра, Д. Доннеллан с полным правом мог бы сегодня приступить к написанию книги "Как я съел собаку" и посвятить ее сценическому воплощению пьес английского гения. Шекспир в его "Чик бай Джаул" никогда не подвергается вивисекции, но звучит при этом свежо, современно и доходчиво. Созданный в 1981 году театр практикует и идущую от "Глобуса" традицию отдавать мужчинам женские роли, и обыкновенную европейскую театральную методу, славится интересом к высоким драматургическим образцам (Корнель, Расин, Лессинг и даже Островский). "Отелло" — премьера последнего сезона, совершающая с марта по октябрь нынешнего года мировое турне.

В отличие от английского "Как вам это понравится" и российской "Двенадцатой ночи" это спектакль и мужчин, и женщин. То есть мавр — Нонсо Анози сжимает своими огромными шоколадными лапами абсолютно женскую шею Дездемоны, которую играет актриса Керолайн Мартин. Так что с точки зрения актерского состава — все традиционно. И за исключением разве что чуть сокращенной пространной экспозиции пьесы абсолютно бережно по отношению к оригиналу. Однако сцена удушения нафантазирована режиссером с явной дерзостью и напоминает... убийство Григория Распутина. В том смысле, что смерть несчастной никак не желает наступать. Сперва Дездемона висит на супруге, схваченная за шею его железными пальцами. Затем она "додушивается" на постели, в привычной зрителю театральной мизансцене. But, оказывается, she is not dead, ибо даже накрывая с головой покрывалом продолжает издавать тихие звуки. Тогда в ход идет подушка, но и после этого с постели подаются признаки

жизни. Последние, впрочем. Сцена эта страшна своей физиологической дикостью, но не только этим. Трагическая развязка пьесы играет так, как будто пьеса написана вчера и никто не знает, чем кончается дело. Сцена утопает в черной тьме, одно лишь супружеское ложе — в луче света, а вокруг, на расстоянии, мелькают слабые огоньки. Там притаились персонажи пьесы, будто в предчувствии чего-то зловещего, происходящего за дверями спальни. "Отелло рассвирепело", и этот факт неожиданно остро пронзает сознание. Фокус, видимо, в том, что эпизод удушения, миллионы раз сыгранный, осмеянный и ставший пищей для театральных анекдотов, кажется, уже невозможно сыграть искренне. Режиссеры боятся его как огня и, убегая от бутафории и рутины, хватаются за знаки, метафоры, кулоры — черт знает за что только не берутся!

А Доннеллан решается на прямую, подробную иллюстрацию насильственной смерти и выигрывает. Вот оно: была любовь, была нескрываемая страсть, была счастливая, уверенная в будущем, смелая и свободная молодая женщина. Упрямая, как бесконечное число шекспировских "дочерей". Не желающая видеть, что имеет дело с дикарем, со взрывчатым человеческим материалом. Актриса К. Мартин не похожа на чистого ангела, на это общее место большинства сценических Дездемон. Но ее вполне современная и вполне европейская раскованность становится в спектакле поводом для страха за ее жизнь. Нельзя вешаться на шею этому зверю, нельзя в обиду дубасить его кулачками — того и гляди, убьет, не дожидаясь ответа на вопрос "молилась ли ты на ночь"?

Отелло играет великолепный африканец Нонсо Анози. Перед нами не вымазанный ваксой европеоид, а подлинник. С особой, не имитируемой, ибо это невозможно, свободой движений. С характерным голосом, где низкие, грудные ноты мирно уживаются с хриплым фальцетом, а величественные напевные интонации со спонтанным истерическим писком. Это такой "джаз", недоступный, как известно, даже самым талантливым, но белым музыкантам. Играет ли Анози тему страстной любви и доверчивой души? Безусловно. Но без любезной русскому театру духовной, интеллигентной значимости. Изгой? Да. Но не волей политического режима, а по законам истории, по разности менталитетов.

И в таком раскладе роль Яго ста-

новится особенно интересной. Их с Отелло дуэт способен бесконечно развиваться как диалог двух противоположных природных стихий. Спектакль Доннеллана мог бы с тем же успехом называться "Яго", потому что играющий его актер Джонни Филлипс, как demiurge, управляет ходом событий. Нервный, энергичный, одержимый Яго — из той породы людей, которые не успокоятся никогда. Не будь Отелло, с его негроидным происхождением, с его успехами на военном и любовном фронтах, Яго нашел бы иной повод мутить воду и взрывать ситуацию.

Доннеллан славится тем, что умеет не утяжелять мысль знаками и намеками. Его спектакли — тончайшим образом прописанные партитуры психологических состояний и переходов, но играют они легко, в них много воздуха, чему немало способствует его постоянный сценарист Ник Ормерод, чуждый громоздкого стиля. Каким образом режиссер добивается от актеров такой точности и вместе с тем такой искренности и свободы игры — загадка.

Вот и в "Отелло" точны, естественно и Кассио — Раян Кигель, и Брабанцио — Дэвид Хоббс. Очень хороша Эмилия — Джей Гриффитс, роль которой, обычно сводящаяся к сюжетной функции, разрастается до важной смысловой и эмоциональной темы — того самого здравого смысла, которого так не хватает Дездемоне.

"Чик бай Джаул" рассказал эту старую как мир историю о вере, предательстве, любви и ревности — так, будто мы ее раньше не знали. Рассказал без философских подтекстов, хотя и с неким самоощущением современного европейца. Западный театр, как уже было сказано, традиционно не склонен, в отличие от русского, делать мавра отверженным интеллигентом. Но в нынешней Европе, когда сосуществование старого мира с третьим стало физической нормой, возникает масса новых психологических проблем адаптации.

Актеры "Чик бай Джаул", сохраняя дистанцию пиетета по отношению к сочинению своего великого земляка, читают пьесу как будто с чистого листа. Играют ее — про сшибку менталитетов, про гибельность страстей — и ухитряются прошибить вялых, пресыщенных современников искренним чувством.

Наталья КАМИНСКАЯ

Фото ИТАР-ТАСС